

НАРОДНЫЙ ПАТРИОТИЗМЪ

Герцеговинское возстаніе. Сербско-турецкая война. Русско-турецкая освободительная война.
Вражда къ гѣмцамъ. Непопулярность войны съ Япоціей.

Читая извѣстное произведеніе В. Гаршина: „Записки рядового Ивана,“ нельзя не обратить вниманія на невѣрную оцѣнку народнаго взгляда на войну съ Турціей. „Турка бунтуеъ, и надо его смирить“, — разьяснялъ въ повѣсти Гаршина старый солдатъ-мужикъ новобранцу. Нѣтъ, народъ имѣлъ иной, вполне опредѣленный, взглядъ на эту войну и ея причины. Войнѣ предшествовало Герцеговинское возстаніе, турецкія звѣрства въ Болгаріи и война Сербіи и Черногоріи съ Турціей. До того времени газета еще рѣдко проникала въ деревню, но „Крестный календаръ“ Гатцука нашель себѣ уже широкое распространеніе среди грамотныхъ крестьянъ, благо и стоилъ недорого—всего 15 к. И въ городъ за нимъ ѣздить было не надо: мелкіе торговцы—перехожіе коробейники—запасались имъ во множествѣ и разносили его по самымъ глухимъ деревнямъ. Календаръ крестьяне читали и перечитывали и по нему познакомились съ Герцеговинскимъ возстаніемъ—„православныхъ Славянъ противъ нехристей-Турокъ.“ Читали, волновались, судили, рядили, и въ результатъ село въ сто дворовъ собирало 100 руб. въ пользу Герцеговинцевъ. Интересъ къ перипетіямъ борьбы съ нехристями все разгорался въ средѣ крестьянъ, росли вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ пожертванія въ пользу Сербовъ и добровольцевъ, отправлявшихся къ Черняеву. Имя его стало чрезвычайно популярно въ народѣ. Много было вылито гизи въ тогдашней періодической печати на нашихъ добровольцевъ и, думаю, едва-ли справедливо: я лично зналъ иныхъ—изъ бездомныхъ отставныхъ солдатъ и унтеръ-

офицеровъ, которые рвались къ Черняеву, разузнавали, какъ къ нему добраться, а нѣкоторые и добрались и сложили тамъ свои буйныя головы. Порывъ былъ вполнѣ искренній и сознательный—смирить „Турка“, но не потому, что онъ бунтуетъ, а потому, что тиранять и рѣжутъ православныхъ христіанъ, „такихъ же, какъ и мы.“ Уже появились въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ бѣглецы съ семьями изъ Болгаріи и Сербіи, рассказывавшіе ужасы про турецкія звѣрства. Бабы навзрыдъ плакали, а мужики хмуро лѣзли въ кошельки и доставали свои лепты въ пользу „несчастливыхъ.“ Когда доходили газетныя вѣсти, что Турки одолеваютъ Сербовъ, одолѣли Черняева, въ народѣ раздался глухой ропоть: „Что-жъ Царь-то не заступится? Безпремѣнно надо помочь.“ Когда вышелъ манифестъ о началѣ нашей войны съ Турціей, въ народѣ царилъ всеобщая радость: „Ну, теперь, Турка, держись! Узнаешь, какъ рѣзаты!“ И солдаты шли на войну съ охотой и одушевленіемъ—„за вѣру и братьевъ-Славянъ,“—это сознавали не только мужики, но и бабы, которыя съ дочерьми щипали корпию для раненыхъ. Всѣ радовались нашимъ побѣдамъ, горевали о Плевнѣ, но не унывали. Помню, одинъ зажиточный крестьянинъ, лѣтъ уже 40. такъ говорилъ въ кучкѣ народа: „Придется ополченіе посылать. Насъ, вотъ, пять братьевъ (жили они всѣ одной семьей); оставимъ старшаго Михайлу,—у него сынъ пошелъ на службу, а четверо въ ополченіе поступимъ. Михайло съ бабами и ребятишками тутъ по хозяйству справится.“ И это не было бахвальствомъ въ устахъ степеннаго, уважаемаго мужика: „Вишь, нашихъ какую страсть положилъ! Надо его доканаты! Молодые не смогли, такъ мы ему покажемъ!“ закончилъ будущій ополченецъ.

Слыша объ условіяхъ мира, народъ радовался не тому, что взяли часть турецкой земли—„у насъ и своей много!“—а тому, что Славяне получили свободу отъ Турокъ. Со времени этой войны стали проникать въ деревню газеты, главнымъ образомъ, „Свѣтъ“, который выписывали почти всѣ кабатчики, также и нѣкоторые зажиточные крестьяне. Сами читали и давали читать другимъ. Изъ „Свѣта“ усвоили, что хотя турокъ мы и побили, но—„нѣмецъ“ заступился за нихъ: „Подъ Царьградомъ самымъ мы стояли, а въ Царьградъ насъ не пустили: Нѣмецъ пригналъ силу несмѣтную на нашу границу,—помощь Туркѣ хотѣлъ дать. Потому-то и войскъ нашихъ мало было отправлено въ Туретчину, а все больше въ Польшѣ стояли—Нѣмца караулили, какъ бы на насъ не пошелъ. Вѣдь вотъ сколько изъ нашей волости взято было солдатъ, а на войнѣ—мало кто былъ: кого ни спросишь—все въ Польшѣ картошку копали.“

Объ „англичанкѣ“ много не говорили: „завсегда шла супротивъ насъ, еще въ Севастополѣ за Турку стояла“, но поражались отноше- ніемъ къ намъ Нѣмцевъ и не могли понять: „Какъ же это такъ! Царь-то нѣмецкій родной дядя нашему, а поди ты!—стоитъ за султана.“ Не постигалъ народъ такой политики и, читая „Свѣтъ“, гдѣ такъ часто проводилась въ передовицахъ мысль, что „Нѣмецъ—нашъ исконный врагъ,“—усвоивалъ это воззрѣніе и впитывалъ въ себя раздраженіе противъ Нѣмцевъ. Я думаю, что въ то время уже начинала заражаться въ народѣ симпатія къ Французамъ, подъ вліяніемъ слуховъ, что ихъ побѣдили Нѣмцы, много у нихъ земли отняли и взяли столько „дани,“ что и церечестъ нельзя. На одной русской фабрикѣ директоромъ былъ Французъ. Произошли какіе-то беспорядки, и рабочіе были распущены. Одинъ изъ нихъ, возвратившись въ деревню, черными красками расписывалъ притѣснителя директора, „потому—Нѣмецъ,“ закончилъ онъ свой рассказъ.—„Кажется—Французъ,“ замѣтилъ я.—„Что вы?— слышу возраженіе:—Нѣмецъ онъ. Да развѣ Французъ могъ такъ? Фран- цузы народъ совсѣмъ не такой.“

У насъ не разъ обострились отношенія съ Нѣмцами, и, безспорно, война съ ними была бы самая популярная въ 80—90-хъ годахъ прош- лаго столѣтія.

Совсѣмъ иное впечатлѣніе произвела на народъ война съ Япо- ніей. Во время поѣздокъ по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ по Волгѣ, Камѣ и Окѣ, мнѣ не разъ приходилось вступить въ бесѣду по этому вопросу съ крестьянами, даже нерядовыми, а „бывалыми,“ и не разъ слышать отъ нихъ: „Зачѣмъ эта война? Японецъ насъ не обижалъ. Говорятъ, мы у него землю взяли гдѣ-то далеко, за Сибирью.“ Русскій народъ не чувствовалъ ни религіозной, ни политической вражды къ Японцамъ, потому эта война и была такъ непопулярна въ народѣ и „сѣрой“ арміи. Помню, встрѣчавшихся мнѣ солдатъ, спѣшившихъ на сборные пункты, главнымъ образомъ—въ Самару, для отправки оттуда на подкрѣпленіе арміи, терпѣвшей неудачи. Не говоря уже про группы, даже ѣхавшіе въ одиночку не стѣснялись въ рѣзкой, нерѣдко ругательной. формѣ выражать возмущеніе этой войной.

Наши пораженія на войнѣ народный говоръ приписывалъ „Божь- ему наказанію“ за то, что—„Японца хотѣли обидѣть: онъ и не думалъ воевать съ нами, боялся, а какъ мы на него насѣдать стали, всталъ

онъ, какъ одинъ человѣкъ, и говорить: „пустъ Богъ насъ разсудить, кто виноватъ за пролитую кровь.“ Вотъ и разсудилъ, потому—Японцы хоть и нехристи, а, видать, больше нашего Бога-то боятся,“—заключилъ разговоръ мой собесѣдникъ.

Ст. Никольскій.

